

Глава 25. Опасная башня до небес

Летний зной нарастал. В княжеской резиденции Жуй ещё не использовали лёд, но Жун Цунцзинь уже сменил одежду Гу Чжао на более лёгкую и следил за его питанием с особой тщательностью.

Гу Чжао беспрекословно выполнял все его указания. Когда весной Жун Цунцзинь, опасаясь, что тот простудится от влажного ветра с лotosового пруда во дворце Юннин, велел ему носить утеплённую одежду, Гу Чжао носил её до самого пятого месяца. Пока ему не разрешили переодеться, он и не думал этого делать.

Забота о быте Гу Чжао раньше была обязанностью Сяо Лэцзы. Гу Чжао был покладист, и если не дразнить его слишком сильно, он слушался распоряжений своего евнуха. Но после встречи в императорском саду Сяо Лэцзы обнаружил, что принц больше его не слушает. В княжеской резиденции Жуй одно слово принцессы-консорта значило больше, чем все его долгие уговоры.

Сяо Лэцзы формально был лишь маленьким евнухом при Гу Чжао, но на самом деле его прислал Наследный принц, и его положение было не ниже, чем у Цзинь Чжуна. Просто у Гу Чжао не было реальной власти, поэтому и он мог лишь прислуживать ему.

Наследный принц, выбирая евнуха, намеренно искал человека порядочного. После истории с Сяо Сицзи он уже не требовал от личного слуги Гу Чжао сообразительности — достаточно было честности и преданности. Сяо Лэцзы, хоть и лишился своих обязанностей, которые теперь исполняли две служанки принцессы-консорта, не был недоволен. Он появлялся лишь тогда, когда был нужен Гу Чжао.

— В малой кухне приготовили ледяной десерт, — Би Тао осторожно вошла с подносом, на котором стояли две тонкостенные чаши небесно-голубой глазури. Внутри, подобно комку снега, дрожал охлаждённый десерт, политый мёдом.

— Подождём, пока он вернётся, — сказал Жун Цунцзинь, не отрываясь от книги, и бросил взгляд на поднос. — В последнее время на кухню закупают слишком много.

— Это по заказу Вашего Высочества. Он ещё и наградил госпожу Чжао, — Би Тао осторожно поставила чаши, цветом похожие на ясное небо, на стол. — Принцу нравится, как готовит госпожа Чжао, и она так рада, что каждый день сама готовит для него ледяной десерт.

— М-м, — кивнул Жун Цунцзинь. Он взял длинной ложкой из голубого фарфора немного десерта, помешал и отложил.

После того случая в Землях Юэ он стал осторожнее и научился на своих ошибках. Он тщательно проверял всё, что ел сам, и не позволял Гу Чжао покупать еду на улице. Кухня в княжеской резиденции находилась под строгим контролем. Кроме проверенных поварих, даже закупкой продуктов занимались лично Би Тао или Фу Тун.

— Цунцзинь! — Гу Чжао стремительно вошёл в комнату. На его шее выступили капельки пота. На нём был длинный халат небесно-голубого цвета, без всякой вышивки, лишь гладкая ткань отливала мягким блеском. На поясе висел мешочек-саше с вышитыми ветками сливы. Он сел в кресло у стола, залпом выпил чай, стоявший перед его супругом, и таинственно прошептал: — Четвёртый брат вернулся.

Сердце Жун Цунцзиня ёкнуло. Гу Чжао только что был во дворце у своей матери, так что новости он узнавал быстрее придворных. Не успел он спросить, как Гу Чжао выложил всё, что знал.

— Четвёртый брат попал в засаду разбойников, ранен в правую руку. С ним был один чиновник, по имени Люй... — Гу Чжао нахмурился.

— Люй Цзюйчжэн, — ровно подсказал Жун Цунцзинь.

— Точно, Люй Цзюйчжэн, — хлопнул в ладоши Гу Чжао. — Четвёртый брат ранен несильно, лекарь сказал, через пару дней заживёт. А вот господину Люй не повезло, он не смог спастись. Даже костей не нашли.

— Но отец уже издал указ о награждении его семьи, — Гу Чжао не был знаком с этим господином Люй, поэтому не особенно горевал, лишь немного сожалел. Но через мгновение он уже прятал улыбку.

— Четвёртый принц ранен только в правую руку? — задумался Жун Цунцзинь.

— Ха-ха-ха! — Гу Чжао, поняв, что его раскусили, рассмеялся. — Четвёртому брату разбойники ещё и щеку поцарапали! Я видел, не знаю, как так вышло, но она до сих пор красная и опухшая. Скорее всего, шрам останется. На этот раз Достойная наложница Сянь очень рассердилась.

Гу Чжао показал на своей щеке длинную царапину от скулы до подбородка, в его глазах плясали озорные искорки.

Достойная наложница Сянь всё ещё пользовалась благосклонностью императора, но её былая слава померкла. Император Цзяньюань был непостоянен: любая красота со временем приедалась. Главной опорой супруги Сянь был четвёртый принц. Власть уже нельзя было удержать милостью мужа, теперь всё зависело от положения сына.

Она смирялась, угождала императору, и всё ради одной цели — власти и богатства в будущем.

Императоры этой династии должны были обладать как минимум приятной внешностью и не иметь увечий. Хотя в истории династии Цинь и был один император со шрамом от ожога на лице, но он был выдающимся правителем и полководцем. В то время его единственным

соперником был какой-то праздный князь. Увидев, какими талантами обладает его брат, тот сам уступил ему дорогу. Это был пример братской любви и уважения.

У императора Цзяньюаня, не считая умерших первого и второго сыновей, было четверо взрослых принцев, и ещё трое подрастали, готовые вот-вот войти в политику. Даже если не считать глуповатого Гу Чжао, у четвёртого принца было несколько достойных соперников, каждый со своими талантами. Ранение в такой момент — как Достойной наложнице Сянь было не волноваться до смерти?

Император Цзяньюань, узнав о ранении четвёртого принца, сперва проявил отцовскую заботу, но вскоре забыл о нём, и его отношение стало заметно холоднее.

Достойная наложница Сянь была занята делами сына, и угроза для императрицы миновала. Гу Чжао, конечно, радовался за мать.

— Матушка говорила что-нибудь про Ичжоу? — спросил Жун Цунцинь.

Гу Чжао надолго задумался, потом почесал в затылке.

— Нет, кажется.

— Вроде бы ничего страшного, они там преувеличили. Четвёртый брат уже всё уладил.

— А зерно раздали? — настойчиво спросил Жун Цунцинь.

Гу Чжао растерянно покачал головой. Сердце Жун Цунциня сжалось. Разбойники, наводнение... Четвёртый принц отправился в Ичжоу с несколькими тысячами солдат и вернулся раненым. Положение в Ичжоу, скорее всего, было очень плохим.

— Ваше Высочество, вымойте сначала руки, а потом съешьте ледяной десерт, — Жун Цунцинь скрыл свои мысли и с тёплой улыбкой сказал.

*

Цикады на деревьях жужжали без умолку. Небо, казалось, опрокинуло на землю чашу с огнём. В тронном зале атмосфера была напряжённой и жаркой, как раскалённое серебряное блюдо, на котором мгновенно испарялась любая капля воды.

— Префект Ичжоу осмелился на такое! — Император Цзяньюань вскочил и заходил взад-вперёд у трона. — Шэн лично видел: на дамбе реки Цзючжоу всего лишь небольшая пробоина, затопило два уезда. Ичжоу вполне мог справиться сам. А префект ничего не делает, позволяет воде заливать поля и просит у казны денег на помощь пострадавшим.

— Чего он добивается? — грозно спросил император.

В казне и так было пусто. Налоги с каждым годом собирались всё хуже, даже их повышение не помогало. Денег не хватало на пиры и развлечения для него самого, а префект Ичжоу ещё и пытается украсть его средства.

— Ваше Величество, я прошу передать преступника Лю Цюаньлиня в Храм Дали. Мы проведём расследование и доложим Вашему Величеству, — Глава храма Дали, старик, который служил уже при трёх императорах и так и не попал в кабинет министров, со вздохом вышел вперёд и, сгибаясь в поклоне, произнёс.

— Не нужно! — махнул рукой Император Цзяньюань. На его широком рукаве золотом был вышит пятипалый дракон, сверкающий на свету. — Шэн, находясь в Ичжоу, прислал срочный доклад с просьбой казнить Лю Цюаньлиня. Я уже одобрил.

— Жаль только, что нельзя привезти его в Ванцзин и четвертовать.

Император Цзяньюань всё ещё кипел от гнева. Четвёртый сын по возвращении тайно доложил ему, что даосский храм Яогуан на горе Хойшань тоже немного пострадал, и работы придётся приостановить на несколько месяцев. Значит, его инспекционная поездка в Хойчжоу откладывается? Из-за этого он и на четвёртого сына стал смотреть косо. А тут ещё и ранение. Пусть пока отдохнёт.

— Лю Цюаньлинь пользовался милостью двора, служил чиновником, но не исполнял своего долга. Вместо этого разворовал деньги, выделенные на строительство дамбы, что привело к прорыву на реке Цзючжоу и затоплению полей. Если бы не Князь Цзинь, который лично руководил ремонтом, кто знает, как долго ещё страдали бы жители Ичжоу.

— Привезти всю семью Лю Цюаньлиня в Ванцзин и казнить, — холодно приказал император.

В Династии Цинь смертные приговоры чиновникам должен был лично утверждать император. Это делалось для того, чтобы вовремя заметить несправедливость. Белая борода Главы храма Дали задрожала, его согбенная спина согнулась ещё ниже. Закон, призванный защищать справедливость, стал для Лю Цюаньлиня смертным приговором.

Глава храма Дали, Цзэн Даньянь, был охвачен и страхом, и разочарованием. В прежние годы Император Цзяньюань, хоть и был легкомыслен, но в важных делах не ошибался. Он служил уже трём императорам и достиг преклонного возраста. Раз нет мудрого правителя, которому можно служить, не лучше ли уйти на покой?

Цзэн Даньянь мутным взглядом искоса посмотрел на край чёрного халата с вышитым драконом и снова опустил глаза. Наследный принц подавал надежды на мудрое правление, он был справедлив. Но при дворе были и другие принцы с сильной поддержкой родственников, а император был здоров. Смена власти произойдёт не раньше, чем через десять-восемь лет. Он

до этого не доживёт...

— Ваше Величество, кто-то ударил в барабан для жалоб! — главный евнух не решался подойти ближе. Императорский страж, оставив меч, вошёл в зал.

— Что? — у Императора Цзяньюаня разболелась голова. Он и так был раздосадован, а тут ещё кто-то со своими проблемами. — Уведите его. Завтра разберёмся.

Но страж не уходил.

— Кажется... кажется, в барабан ударил господин Люй из Военного совета.

Эти слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Зал взорвался гулом голосов.

Люй Цзюйчжэн ведь погиб? Генерал Минвэй с солдатами не смог отбить его тело. Семья Люй похоронила его в пустом гробу. Император даже прислал соболезнования. Они собирались пойти проститься с господином Люй.

Люй Цзюйчжэн хоть и смотрел на всех свысока, но был честен и неподкупен. Среди чиновников-конфуцианцев он пользовался уважением.

— Впустить его, — после долгой паузы тяжело произнёс император, усаживаясь на трон. Лицо его было мрачным.

— Слушаюсь, — страж попятился и вышел.

Вскоре в зал ввели худую фигуру. Пыль с одежды сыпалась на пол, словно снег. Заколка для волос сбилась набок, прядь прилипла к шее. Колени на халате были прорваны.

Хоть он и выглядел потрёпанным, а лицо было бледным, но глаза его горели ясным огнём. Войдя в дворец Ханьюань и увидев императора, он восторженно, подскочил, подбежал к трону и, пав ниц, воскликнул:

— Ваше Величество, у меня есть доклад!

Придворные, хоть и молчали, наострили уши. В такой ситуации император не мог просто выгнать Люй Цзюйчжэня. Император Цзяньюань чувствовал себя как на иголках. Он нехотя произнёс:

— Дорогой министр, вы проделали долгий путь...

— Ваше Величество, у меня есть доклад! — громко повторил Люй Цзюйчжэн.

Сначала его голос был слаб, но с каждым словом становился всё громче и увереннее.

— Говорите, дорогой министр, — вздохнул император.

— Я обвиняю четвёртого принца в клевете на верных подданных, роскоши и расточительстве, пренебрежении жизнями народа, затягивании спасательных работ и покушении на жизнь придворного чиновника! — Люй Цзюйчжэн, кипя от гнева, выпалил обвинения, как из пушки. Каждое слово звучало твёрдо и весомо. Придворные не верили своим ушам. Шум в зале стал похож на гудение колоколов под навесом — тихий, но долгий и тревожный.

Этот Люй Цзюйчжэн, похоже, сошёл с ума. Обвинять принца! Император уже решил, что во всём виноват префект Ичжоу. Он что, решил пойти против воли императора?

Императора от их шёпота разболелась голова. Он ударил ладонью по подлокотнику трона, украшенному резным драконом.

— Замолчать!

Зал мгновенно стих. Император холодно посмотрел на коленопреклонённого Люй Цзюйчжэня.

— Люй, четвёртый принц уже разобрался с наводнением в Ичжоу. Ты чудом выжил и вернулся в Ванцзин. И это всё, что ты хочешь сказать?

Люй Цзюйчжэн выпрямился. Его спина под рваной одеждой была прямой и гордой.

— Да!

— Я требую, чтобы четвёртый принц явился в зал. Я хочу очной ставки. — Люй Цзюйчжэн понимал, что в словах императора сквозит угроза. Но он, вернувшись с того света, уже не боялся смерти. Каждое его слово било императора по больному месту.

Если это поможет усмирить наводнение в Ичжоу и утешить души погибших, то что ему стоит сегодня разбиться насмерть в этом зале?

Император Цзяньюань, видя его решимость, понял, что тот снова готов «увещевать смертью». Если не позволить ему встретиться с четвёртым сыном, он сейчас же бросится на колонну с драконами. А его, императора, репутация...

Император Цзяньюань испугался. В его возрасте важны были лишь власть и доброе имя.

Подумав, он решил уступить. Если четвёртый сын не виноват — отлично. А если Люй Цзюйчжэн найдёт доказательства, придётся пожертвовать пешкой ради сохранения короля.

— Позвать Князя Цзинь, — тяжело произнёс император.

Гу Шэн был ранен, и Достойная наложница Сянь, очень обеспокоенная, оставила его во дворце под присмотром лекарей, чтобы те вылечили его шрам. Когда за ним пришли евнухи, он как раз менял повязку во дворце Цинлуань. Вскоре его привели в дворец Ханьюань.

Заседание ещё не закончилось. Достойная наложница Сянь не получила никаких известий. Князь Цзинь, в недоумении войдя в зал, издали увидел знакомую коленапреклонённую фигуру и замедлил шаг.

— Люй Цзюйчжэн! — тот, услышав шаги, обернулся. Князь Цзинь, узнав его, в ужасе отшатнулся.

— Благодарю Ваше Высочество, я ещё жив, — Люй Цзюйчжэн поклонился и холодно усмехнулся.

<http://bllate.org/book/13698/1586173>